

Лаборатория Бога

Наталья Берген

18+

Наталья Берген
Лаборатория бога

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Берген Н.

Лаборатория бога / Н. Берген — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Сколько помню себя, я писал рассказы. А еще коллекционировал. Урывал частички важных мне событий и людей. Замкнутый коллекционер, не видящий порой дальше своего носа — это про меня. У меня есть свой чердак с тайнами и воспоминаниями. Впрочем, кого это удивит? Но слышали ли вы когда-нибудь про бога-коллекционера? Каково стать однажды хрупкой фигуркой в коллекции существа высшего порядка, странной диковинкой на его «чердаке»?

Содержание

Мой чердак	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мой чердак

– Так будет всегда? – в светлых глазах Риты блеснула безуминка.

Это означало – она запрыгнет на подоконник, станет болтать ногами и интересоваться...

– Что ты имеешь ввиду? – я говорил холодно намеренно, в этом уже содержалась часть ответа: я тут серьезными вещами занимаюсь, жонглирую словами, а не бутылками.

Рита уселась на широкий подоконник. В ее густых черных волосах, забранных в пучок, блестела зимняя сталь, а во взгляде отражалось лето: теплая зелень и золотисто-карие лучики вокруг радужки. Жена посмотрела куда-то вбок и продолжила:

– Прости. Я хотела сказать, что все должно иметь свой... хм... практический смысл. Книжки пишут и издаются. Разве будет, например, журналист писать статью, не зная, интересуется ли газета тематика? Понимаешь...

Кажется, она предчувствовала мою неоднозначную реакцию, потому замолчала на полуслове. Я отодвинул стул от рабочего стола – так, будто собирался встать – и посмотрел в сторону Риты... мимо Риты... на взлетающие от ветра занавески. Сад за окном весь исходил зноем и вялой усталостью, словно заработавшийся у печи рабочий. Хотелось улыбнуться и отшутиться, открестившись от ее вопросов, но часть зноя будто передалась мне с сухим горячим ветром.

– Это никогда не закончится, Рита, – я поднялся со стула и принялся мерить шагами комнату. – Такое не заканчивается. Такое не заканчивается, если тебя не издадут. И если издадут огромными тиражами. Это не заканчивается, если это настоящее.

– Типа как любовь?

– Эээ... любовь кончается. А это не заканчивается.

– Но настоящая...

– Брось эти сказки...

Я чувствовал спиной острый взгляд Риты. Обернулся и убедился, что так оно и есть – буравит. Взгляд у жены выразительный: кто-то может уже в него влюбиться. Но не я. Я-то понимаю, как все мимолетно, неоднозначно, так мимолетно, что и уцепиться иногда в жизни не за что. Сегодня ее взгляд полон напряженного ожидания и светлячков, а завтра...

Впрочем, завтра будет завтра.

Рита спорхнула с подоконника и поспешила к двери. Она была легкой, худенькой, но цельной, ладной, как блестящая ровная жемчужина.

Я вернулся на рабочее место, придвинул стул обратно к столу и собрался печатать дальше, но Рита остановилась на пороге и сказала:

– Хочу прочитать.

Кивок и – вновь – жадное погружение в творческий процесс.

Если бы я смотрел на нее внимательнее – в такие вот минуты, когда жена застревала на пороге между «я пошла, ты, злодей» и «так хочется, чтобы ты меня окликнул», то видел бы куда больше блеска милой ровной жемчужины.

После того, как Рита ушла, я прикрыл окно, удивляясь, что мы оставили его в такую жару. Все тогда было неправильным, вывернутым наизнанку: я глупо и беспечно раскрыл объятия духоте, родители Риты в кои-то веки не почтили нас визитом, да и сама Рита казалась настороженной, недоверчивой.

Ровно в восемь часов я устало потянулся, представляя, как потягиваю холодный морс. Недолго думая поднялся и пошел в студию, что вмещала в себя кухню, гостиную и столовую. День истончался и таял, рассыпался слабыми бликами по стеклу и металлам. Рита сидела за небольшим деревянным столом – тихая и острая, словно лезвие. Перед ней блестел прохлад-

ными боками кувшин с алым морсом. Я было потянулся к кувшину, запотевшему в теплоте комнаты, притягательно холодному, но Рита накрыла своей ладонью мою, останавливая.

– Попить хоть дай.

– Я сказала неправду. Я уже... прочитала.

– Ты... с чего это вдруг...

Впрочем, неудивительно. Иногда Рита юлила. А если вопрос ее сильно беспокоил, могла выдать конкретику без долгих и изматывающих намеков. Но почему ее так взволновала моя писанина, к которой она обычно относилась ровно-снисходительно? День за днем Рита навещала меня за моим занятием, приносила булочки и сок, кофе и омлет, устраивалась на подоконнике, щебетала и вспархивала, оставляя меня наедине с текстовым редактором. Но сегодня все было шиворот-навыворот – неправильным.

– Меня кое-что беспокоит, – Рита не смотрела на меня, она провожала взглядом стекающие по кувшину капельки влаги. – Твой рассказ яркий, образный. Он цепляет, но...

Я поймал взгляд жены. Светлячки терялись за дымкой недоумения.

– Но все там в дорожках прошлого.

Я невольно улыбнулся. «Наивный», детский голосок Риты звучал нелепо, когда она сердилась. Обычно она говорила не быстро – с комфортными паузами, расцвеченными мимикой. Недовольная же, она тараторила, звонкие детские интонации сыпались неожиданно, раздражающе, словно монеты сквозь пальцы, чтобы зазвенеть по полу.

– В дорожках прошлого? Откуда оборот?

– Да, сама такого не придумаю. Кажется, подцепила словечки из твоего рассказа. Но... ближе к делу. Я попробую объяснить, что не так.

Рита обычно не заламывала руки, не кусала губу, не теребила одежду руками и не постукивала нервно по столу. Она сидела спокойно, иногда в задумчивости чуть наклоняла голову вбок и меняла направление взгляда. Уже этого достаточно было для понимания – что-то внутри нее заматало, заработало на полную катушку, и она не успокоится, пока не разберется.

Рита затараторила:

– Мне кажется, ты собрал все-все, что только можно, из прошлого и засунул туда, отчего этот рассказ трещит по швам. Там слишком много ностальгии по старым чердакам, родителей-эгоистов и первой любви, чтобы это не вызвало подозрения.

– Так дело в первой любви? Ты ревнуешь?

– Не только. Дело в том, что этот рассказ похож на коллекцию фотографий и фильмов... которые смотрят втайне от любимых. Потому что стыдятся прошлого.

– Почему, в таком случае, я не прячу от тебя свои нетленки?

– Не знаю... Мне кажется, я способна заметить больше, чем ты ожидаешь от меня.

– Может, это ты у нас коллекционер? Собрала все возможные недовольства и твое настроение трещит по швам?

Рита придвинула кувшин к себе. Потом посмотрела на меня, потянулась за двумя стаканами. Опять посмотрела на меня и опустила руки на колени. Где же моя уютная Рита – где идиллическая семейная картинка без назойливых шероховатостей?

– Мне сложно будет разобраться одной.

– Давай так. Я пойду погуляю, а ты займись чем-нибудь, что отвлечет от грызущих мыслей. Вот увидишь – все утрясется.

– Не так просто. Мне нужна твоя помощь.

Рита облокотилась о спинку стула и посмотрела на потолок. Ее лицо на миг сделалось таким детским, будто просветленным. Глаза были широко распахнуты.

Она вздохнула.

– Хорошо, иди.

Я мысленно поблагодарил жену за сговорчивость. Немного поспешил с благодарностью, надо сказать.

– Опять сбегаешь, – подытожила она, но я уже направлялся к отделенному перегородкой холлу. В ее голосе не проступало раздражения. Что-то неустроенное и легкое: недовольное облачко дыма, быстро растаявшее в воздухе.

Я не обернулся. Согласие есть согласие – слова вдогонку не в счет.

Стоило пройти пару кварталов, и между домами к дороге выплескивался лес. Слишком спокойно для города, но недостаточно свободно для уголка на лоне природы. Я пересек узкую дорогу, и теперь топал по тротуару, служащему негласной границей. Шум легкой пригородной суеты слева и густой шум веток справа от меня.

Еще пять минут ходьбы, и можно выйти к парку с достопримечательностями в виде скамеек, прудиков и уток. Он огорожен от рощи забором, но вечером визуальная граница стирается, и лесной дух терпкой свободы дрожит над парком.

Чуть не доходя до парка, я остановился на тротуаре у низкой изгороди, за которой стоял бежевый «вафельный» двухэтажный дом со скучным садом. Дом, отделанный виниловым сайдингом и с крыльцом, подпираемым серыми колоннами. Трава выжжена на солнце: видно, газон давно не поливали. Приглушенный, горьковатый запах роз выдавал увядание. Я знал, на веранде пыльно да и сам дом – мертвец.

Нерешительно простояв на тротуаре с полминуты, я огляделся вокруг, открыл низкую калитку и зашагал по выцветшему газону.

Сегодня парк отменяется.

Выйдя из дома на крыльцо, я подождал, пока уймется сердцебиение, и спустился вниз. А затем пошел не оглядываясь – мысленно в том числе.

Есть районы, напоминающие уличную жаровню – они трещат и брызжут отходами жизнедеятельности. Наш звучал так, будто был блинной сковородой, поставленной на слабый огонь. Сковородка с маслицем мелочных сплетен-сенсаций, которые плывут от дома к дому и тают, оставляя слабый след. Сравнение со сковородой казалось уместным еще по одной причине: несмотря на поздний час, липкое тепло мешало вдохнуть свободно.

Вернувшись домой, я пошел в ванную умыться прохладной водой. А затем поднялся в спальню. Рита сидела на кровати с ноутбуком на коленях. Недовольное выражение на лице жены намекало на два расклада: либо ее заела жара, либо я. Я не торопился уточнять, в чем дело.

Когда я сел на кровать и посмотрел на Риту, та резко отложила в сторону ноутбук.

– Мы можем поговорить сейчас?

– Да, сейчас можно. Что тебя беспокоит?

– Я говорила о твоих книгах. И, может, я не права, но в них...

– Ага, ты говорила про дорожки прошлого, которые проступают как бешеные.

– Про бешеные не было. Сгущаешь краски... Но не суть. Когда мы познакомились, я не раз приходила в старый дом, дом твоего отца. И... мне показалось, что вы очень похожи с героем. Для начала... он живет в таком же доме.

– Миллионы людей живут в похожих домах.

– Я понимаю, о чем ты. Но меня смутил вот этот момент. Можешь перечитать его? – Рита придвинула ноутбук к себе, а затем неуклюже толкнула его в мою сторону, скомкав одеяло.

Я положил ноутбук на колени и стал просматривать открытую женой страницу текстового редактора.

Мы сидели на ступеньках крыльца и смотрели на вечерний газон. Так, словно это было море или небо. Вот свет от фар, проникший через просветы в изгороди, выхватил из темноты мотылька. Вот подул легкий ветерок, и розовые с рыжиной, словно тронутые ржавчиной лепестки полетели в сторону крыльца.

– Пап, так нельзя...

– Кажется, мы это обсуждали, – папа поднес горлышко пивной бутылки к губам.

– Послушай, па, вдруг там, на небе, все-таки что-то есть?

– Даже если так. На кой им столько душ? Они их утилизируют. Как бутылки, – отец потряс бутылкой прямо у моего лица.

Мы собирались поговорить спокойно, но я опять почувствовал, что отец подносил зажигалку к ценному пергаменту памяти. И играл ей, не трогая сердцевины воспоминаний, но делая так, что края потихоньку обугливались.

– Папа, так нельзя с мамой, – повторил я уже тверже.

Мне хотелось соскочить и побежать на чердак, где...

– Ты прочитал? – Рита скомкала рукой одеяло.

Нетерпение дрожало на кончиках ее теплых пальцев, билось с пульсирующей венкой на виске.

Я отложил ноутбук в сторону.

– Вижу, к чему ты прицепилась – к чердаку. Но ты ведь не смотришь глубже, а скачешь по верхам. Боишься, что я привязан к прошлому больше, чем к тебе. А страх застилает глаза.

Рита откинула тонкое одеяло и встала. Стояла некоторое время возле кровати в ночнушке и босиком, будто прислушиваясь к далекому гулу.

– Я слишком тупа, чтобы понять, так? У меня нет ни воображения, ни тонкости, которые нужны для понимания подобного. Ну а ты – совсем другое дело. Но ведь ты никогда не говоришь со мной о творчестве. И о прошлом.

– Нет, Рита, ты не тупа. Но ты не понимаешь. Просто по-другому мыслишь. А прошлое принадлежит только мне.

Рита подошла к туалетному столику и притронулась к шкатулке с украшениями. Направилась к окну... Сегодня ее движения были незаконченными, призрачными, намерения таяли на глазах. Жена опять подошла к шкатулке и достала оттуда бусы.

– Ну что же, попробую говорить с тобой на твоем языке, – холодный аметист полетел на одеяло, сочно выделяясь на фоне кремового. – Ты словно коллекционер. Про них сняли много странных фильмов. А я – одна бусинка на бусах твоей жизни. Прошлые, факты, что ты любишь коллекционировать в блокнотах, и твоё творчество – другие бусины, и все они в одном ряду не только со мной, но и со всем настоящим. С пикниками, посиделками, поездками, разговорами по душам, ужинами и всей красотой.

На время я потерял дар речи. Обычно мы с Ритой дополняли друг друга, а наши разные языки приносили в жизнь другого недостающую мелодию. Теперь жена переходила черту.

– Почему именно те фильмы странные? – уцепился я за неясность в речи. Сейчас ухватюсь за петельку и расплету всю эту красоту, нагромождение невнятных аргументов человека, который пытается говорить не на своем языке.

– Прости. Никак не могу забыть... ту коробку на чердаке...

– Запретная тема, – процедил я сквозь зубы. – Будешь нарушать обещание?

– А ты не нарушал обещание?

Сейчас Рита не просто нарушала границу, она прорвалась через нее, торжественно стуча в барабан. Против лома нет приема. Или все-таки есть?

– Ну хорошо... Я обещаю меньше вариться в мыслях и больше жить простыми радостями. А ты в свою очередь не напоминай о чердаке.

Кажется, жена не ожидала такой сговорчивости. Какая-то минута, и ее черты смягчились, разгладились противоречия. Бусы были подняты нежным, но быстрым движением и отправлены в шкатулку.

Рита больше ничего не сказала. Легла и завернулась в одеяло, словно в кокон.

Я смахнул тряпкой пыль с картонной коробки, поставил ее на груды ящиков и воровато поглядел в окно. Маленькое, засаленное, оно выходило в сад, где весело развалилось лето, словно праздный человек в кресле-качалке. Рита согнулась над кустом гортензии – срезала отцветшие хрустящие облачка. С утра она вела себя как ни в чем ни бывало. Почти. Не было привычного для Риты состояния порхания, мысленной левитации.

Рита получала удовольствие от отдыха на природе, работы в саду, веселого щебетанья в компании, чашки чая со сладостями. Как правило, она ничего не усложняла. Но ее легкость не была самодостаточной. Жена всегда отчаянно нуждалась в соучастниках, активных советчиках – тех, кто поддержит начинание, подтвердит, что занятие стоит того, чтобы убить на него день. Именно поэтому, я полагал, она водилась с этой болтливой стервозой Изабеллой и внимала наглючей матери. Жена металась между миром простых удовольствий, важных самих по себе, и реальностью ветреного одобрения. И это меня частенько до пунктика раздражало.

На чердаке валялся всякий хлам.

Рита предлагала устроить тут мансарду, но я наотрез отказался. Здесь все должно было быть именно таким: я не хотел превращать эту комнату в уютный вылизанный закуток с отполированной древесиной и мертвым светом ламп. Я видел чердак лохматым зализывающим свои раны зверем.

Под ногами скрипнула половица. Мои руки убрали из коробки свернутый вдвое газетный лист цвета бледного желтка и зашарили по открыткам, газетным вырезкам, экзотическим сухим листьям, сережкам, украденным у бывших возлюбленных – по всему, с чем я так отчаянно не хотел расставаться. Рита, сама того не ведая, растормошила прошлое, наскоро прикрытое газетными листами. Но, я знал, дело не только в Рите. Воспоминания дразнили, манили зайти в старый дом вчера, а сегодня подняться на чердак, принадлежавший раньше бабушке с дедушкой. Только здесь я мог, невзирая на запреты отца, хранить все что вздумается. Урывать крохи от всех важных мне людей, черт возьми. Назло отцу, назло всему грёбаному человечеству.

Половица скрипнула еще раз.

Я посмотрел на сад через мутное окошко и увидел, что Рита направляется к дому. Нужно было возвращаться вниз.

Наш отпуск подходил к концу. Я надеялся урвать от него пару законченных историй и поддержать идиллическую, нешероховатую картинку на фоне: уютный дом, сад, что вечерами часто превращается в столовую под открытым небом, побольше морса и чая.

Я опять писал весь вечер. Рита вместе со старым домом разбередили что-то и делали процесс невероятно свободным, струящимся. Как будто всегда надо пустить кровь, чтобы почувствовать стоящее.

Жена не приходила. День был умеренно жарким, а вечер и вовсе выдался отличным для работы и отдыха в саду – она пропадала там весь день. Только вечером мы пересеклись с Ритой на кухне.

– Через полчаса придет Белла, – сообщила она, нарезаая батон кружочками. – Собираюсь делать гренки.

В гренках было что-то уютное. В животе жадно заурчало; можно успеть урвать пару кусочков до прихода Изабеллы, но сидеть с ней за одним столом – ни-ни.

– А я через полчаса сваливаю.

Рита посмотрела на меня так, как умела смотреть только она. Взгляд, выхватывающий из хаоса всего на свете особенные чувства. Но потом она погасла, уголки губ опустились, взгляд неуверенно метнулся в сторону. Я не хотел увидеть в ее глазах просьбу, назойливость. Усевшись за стол, я подпер лицо ладонями и попытался отвлечься. За уютным шипением сковороды время шло незаметно.

От мысленной левитации отвлек стук калитки. Опять она. Эта въедливая гримза, лучшая подруга жены по совместительству. Изабелла обычно приходила вечером, когда я сливался, чтобы побродить в одиночестве по окрестностям. В этот раз тяжелый взгляд Беллы, словно припечатывающий твою голову к плахе за все былые и несуществующие грешки, уперся в меня. Я знал, выйду – и она цокнет языком, многозначительно посмотрит на жену. «Что-то он сегодня... подозрительный. Куды пошел?»

Рита наверняка растеряется. Сначала жена решит меня защищать, но под этим взглядом, заболоченным жадностью сплетен, выложит все: расскажет о ссорах, моих поздних приходах, глупых мелочах. Рита разгорячится, ее щеки тронет румянец, и она расскажет, что я сжег омлет в среду, витая в облаках, писал весь день в субботу вместо того, чтобы поддержать ее идею пикника с друзьями, да и вообще, ее мама считает меня хроническим интровертом, а быть замкнутым – плохо.

«Мама говорит, человек закрытый с большей вероятностью окажется маньяком или извращенцем. Они тащат к себе всякую фигню, коллекционируют крышечки от кока-колы, а в один прекрасный день оказывается, что у них еще и отпадная коллекция скелетов в шкафу. Никто не знает, что у них в голове, к тому же они люди сложные, а быть сложным плохо».

Иногда кажется, что нелюбовь к людям замкнутым прочно въелась в человеческую культуру, но дело тут не только в моей замкнутости. Сначала мать, а потом подруга вбивали Рите в голову день за днем, что я не такой – подозрительный, слишком самоуглубленный.

Из кухни на улицу выливались теплый аромат жареного хлеба и горькие придушенные голоса. Я шел к калитке и вспоминал. Я сказал Рите, что выбросил коробку, после того как она первый раз застала меня размышляющим над ней. Сначала она сказала весело-задорно: «Что у тебя там?» Постепенно ее взгляд потух и наполнился противным шумом раздражения. «Но это странно...» – кажется, сказала она. А когда увидела фотографии моей бывшей, сережки, газетные вырезки и даже – о боже! – нечто, похожее на зуб и нечто, напоминающее клочок волос, совсем сбрендил. «Это же ненормально, это нелепо!» Спасибо, что не назвала маньяком. Тогда она ворвалась на запретную территорию: нагло, не извинившись, обвинив во всем меня. Я ударил ее. А потом поклялся выбросить коробку. Все из чувства вины.

Когда мы засыпали той же ночью, и место удара уже не выделялось так громко на фоне нежной Ритиной кожи, я пожалел, что поспешил с обещанием. Я должен был извиниться перед Ритой. Но коробку выбрасывать не стоило. Я отнес ее в пустующий дом недавно умершего отца, а через некоторое время, когда Рита, казалось, перестала подозревать меня в «странном занятии», принес обратно.

Без коробки я был не я.

Обои ободраны и обшарпаны дверные косяки. На подоконнике кладбище мотыльков. Пустой и поруганный дом. Пыльный. Пыль как прошлое: не хочешь вдыхать, но куда не денешься. В старых домах, куда тебя влечет какое-то губительное чувство, она будет скрипеть на зубах, как мерзкий пошлый проступок, никогда тебя не оставляющий.

Я подошел к лестнице, что недосчиталась пары зубов. Поставил ногу на первую ступень и замер в ожидании. Так бывает, когда уже знаешь, что собрался сделать, и пути назад нет, но притворяешься, что отговариваешь себя.

На миг представилось: все это происходит в странном нуарном клипе.

Я не люблю клипы и фильмы. Мы с Ритой редко их смотрим. Они затирают истинные впечатления, делают тебя не тобой, заменяют твои кусочки мозаики своими. Одно время Рита негодовала, но я смог так ладно ей все разъяснить, что у нее просто не осталось слов в запасе. Кажется, она сама уже искренне верила, что фильмы и клипы делают нас моральными франкенштейнами.

Поднявшись на второй этаж, я открыл дверь в спальню, чтобы украсть немного света для темной душной площадки.

Мысленно я увидел чердак еще до того, как поднялся туда. На него так и не сделали нормальную лестницу. Это было как нельзя на руку отцу – он просто убирал стремянку, заказывая мне вход в единственное место, где я мог быть собой.

Оказавшись в затхлой темной комнатке, я вынул из кармана сотовый и осветил деревянные панели. Часть стены была обугленной. Наверное, Рита права. Сложно отрицать, что я повсюду таскал с собой прошлое – этот тяжелый портфель со скелетиками историй, что выглядит у большинства людей одинаково. Стандартная кожа имиджа снаружи, скелетики внутри.

Когда-то отец поднялся на чердак и увидел в моих руках коробку. Он аккуратно, подобно Рите, подошел ко мне и мягко похлопал по плечу. Тогда я растерялся, совсем не знал, как среагировать на жест понимания. Папа спустился вниз, не сказав ни слова. Я поставил коробку на тумбочку, достал из нее фотографию и опустил на колени. Нет, подобной сцены определенно не будет в моей книге. Я и так слишком осмелел, введя туда образ упрямо смотрящего в никуда отца. И чердака. Чердаки всегда смотрят в никуда.

Мне было четырнадцать. И случившееся тем вечером на чердаке все же стало для меня неожиданностью. После дружеского жеста отец опять поднялся на чердак. На этот раз с бутылкой. Увидев его, я инстинктивно подался назад и прикрыл собой коробку. Плохое предчувствие выбило уверенность из-под ног.

– Ты перед ней как перед алтарем, а?

– Па-ап...

– Ты, стало быть, не понял? – отец был уже совсем близко, он нависал над коробкой, словно строгий досмотрщик.

– Ты не можешь так просто стереть у меня из головы маму.

– Больной, – он рванулся ко мне и схватил за грудки, – больной чудик. Может, хватит таскать сюда всякую хрень? Уж лучше журналы с голыми телками, постеры с поп-звездами... что угодно, блин, но не это...

– Я должен обязательно делать как все?

– А ты в любом случае будешь как другие. Все мы... одинаковые, только некоторые хорошо притворяются. Ты тоже откупоришь несколько лишних бутылок, поднимешь руку на бабу, будешь глотать то дерьмо, что глотают все вокруг – аль думаешь ты святой? Особенный? Этакая важность. Опарыш ты, вот кто.

Хищная улыбка на лице отца не предвещала ничего хорошего. Как же я его ненавидел! Как же...

– Ни за что не буду как ты, – процедил я сквозь зубы, невольно доведя разговор до точки кипения.

– Слушай, с людьми надо кончать, мертвые похожи на компостных червей – жрут тебя, подтачивают изнутри. Твоя мама, как хороший велосипед. Покатался, выбросил на свалку и забыл. Все мы как какие-нибудь предметы и все мы приходим в непригодность. И всех нас, стало быть, там, – он ткнул пальцем вверх, – утилизируют. Не будь эгоистом, прочувствуй масштабы.

Мою душу словно прижгли и на ней соскочил большой волдырь, шваркающий болью. Я кинулся на отца – яростный маленький таран против крупного сильного мужлана. Отец не отодвинулся ни на сантиметр, я же пролетел метра два и врезался в деревянную панель, отчего

чердак жалобно заухал. Горячий жар превратил сцену в одно размытое агрессивное пятно. Отец ругался и бил меня по щекам. Я едва заметил, когда появился первый очаг возгорания. Отец поджег зажигалкой фотографию и поднес ее к газетам, лежащим на коробке. Пламя лихо перепрыгнуло с фотографии на газеты, словно удирающая от питона мартышка.

Пламя бесновалось, ликовало. Кричал отец, вскрикивал я. И казалось, что уже кричит огонь. Кривляется и дразнит меня.

«Глупый мальчишка неудачник, маменькин сынок, слабак».

Отец забил пламя одеялом и выволок меня с чердака – огонь не успел разрастись до смертоносной опухоли.

В фильмах любят показывать эпичные спасения, счастливые семьи и тяжелые утраты, но в жизни тебя просто заменят легкомысленным романом, жвачкой или бутылкой – чаще всего всем сразу. В жизни доводят себя до упадка не из-за потерь, а потому что лишились затычки в лице тебя, которая не позволяла хаосу и несправедливости беречь вечно голодное, хоть и старательно подкармливаемое симулякром сознание.

И что плохого в том, чтобы в этом хаосе урвать парочку воспоминаний и жить ими? Моя коробка живых мертвецов против огромных помещений, куда тащат все нужное и ненужное шопоголики, пафосные коллекционеры, любители напыщенного антуража.

Вечер немного остудил меня, выдул из головы пепел от былых скандалов.

Вернувшись домой, я осмотрелся. На кухне стояли две откупоренные стеклянные бутылки с газировкой. Из гостиной-студии верещал телевизор. Телевизор... Куклоподобная дикторша на новостном канале сообщала о погибших из-за обрушения в торговом центре. Ныне для того, чтобы рассказать о трагедии, нужно иметь макияж фотомодели и держаться искусственно-ровно: ни лишнего вам жеста, ни искренней печали в глазах. А потом будут показывать рекламу мороженого или картошки фри. Мы поколения драматических едоков. Вывод заставил улыбнуться, но удивление от контраста в моем настроении разладило складочки шаловливости в мыслях.

Пока я искал пульт, на лестнице слышались шаги. Скоро в комнату зашла Рита. В этот момент я как раз нажимал на нужную кнопку пульта.

Телевизор послушно обмяк.

– Прости, Белла смотрит телевизор, – жена остановилась метрах в трех от меня, словно опасалась подходить ближе, – и... честно говоря, я хотела поговорить с тобой об этом, милый. Я искренне беспокоюсь...

Я молчал. Так и застыл с пультом в руке. Рита извиняюще округлила глаза – мол, «я хочу как лучше, расслабься». Я бросил пульт на диван и сел в ближайшее кресло, что было развернуто к перегородке, возле которой стояла Рита.

– Иногда твоя замкнутость сбивает меня с толку. И сейчас я не знаю, могу ли сказать, что думаю... Я скажу. Потому что не терплю держать в себе. Потому что все в последнее время кричит о ненормальности такой жизни. Бог с ним, с телевизором... с новостными порталами и фильмами. Я считаю отказ от части массовой культуры странным, но без фильмов и новостей вполне можно прожить. Я больше времени уделяю прогулкам, работе в саду, и это здорово... Но меня пугает твой побег. От разговоров о той коробке, от телевизора, от моих друзей и близких.

Рита замолчала. Я не сводил глаз с бус на шее жены: тот самый томный аметист, что вчера лежал на кремовом. Что послужил примером моего прозябания в прошлом. Отчего-то я не мог выдавить из себя ни слова. Сказанное Ритой улавливалось сознанием, но спутывалось в неудобоваримые клубки где-то между пониманием и реакцией. Заметив мою пассивность, жена осмелела. Слова полились из нее свободнее:

– И все бы ничего, но есть один обидный факт. – Рита дотронулась до бус, грациозно взмахнув рукой, и выпрямилась, отходя от перегородки в глубину комнаты, приближаясь ко мне. – Ты не выбросил ту коробку. Ты врал мне.

Рита стояла рядом – на расстоянии вытянутой руки. Она сняла бусы и принялась теревить их руками. Жена смотрела на меня тихо, но осуждающе, словно мысленно вытаскивала из моей коробки по предмету.

– Я и не должен был ее выкидывать. Пошел на поводу.

– И еще... Иногда мне скучно. Ты можешь писать. Мне нельзя смотреть фильмы. Чем фильмы хуже книг?

– Послушай, я тебе ничего не запрещал. К тому же, я не собираюсь публиковать эти книги. Они мои. От первого знака до последнего. Это образ жизни, а не собирание своего детища из заранее одобренных элементов. Я не торгую своей жизнью.

Рита охнула и швырнула бусы на диван, к пульту.

– Я не поняла доброй половины, уж извини. Уловила только, что кто-то торгует жизнью. Но публикующиеся писатели говорят в своих книгах о разном. О том, как ладить с непохожими людьми, как не травмировать друг друга, быть терпимыми...

– Ну уж нет. Большинство как раз пишет о том, как люди травмируют друг друга. И создают ложный посыл, что все плохо и мы ничего не можем изменить. Или что, напротив, все по-шоколадному хорошо. Мои книги бессистемны и личны. Многие их книги завязаны на обязательном и стандартном элементе удивления, чтобы состригать денежки и просмотры, как шерсть с овец. Привычки людей и нежелание мыслить отлично конвертируются в деньги.

Рита повернулась ко мне спиной и дошла до перегородки холла. Пришла обратно. Последние два дня она металась между двумя действиями, будто теряла равновесие, стоя на одной ноге с закрытыми глазами.

– Тьфу, ну кто так говорит? Слово пишешь свою дурацкую книгу, которая и не книга вовсе. Почему не назвать это дневником?

– Рита, оставь мои книги в покое.

– А ты перестань обманывать. И презирать других! Ты думаешь, что люди вокруг тупые и примитивные, раз они смотрят телевизор, читают книги продажных авторов, сплетничают за спиной. Но люди вокруг делают хоть что-то полезное для других... Они с любовью растят детей, ухаживают за садом, готовят ужин таким как ты...

– Хотел бы я знать, почему ты так меняешься после прихода... этой Изабеллы.

– Дело не в Белле. Да послушай же ты!

– Чушь, полная чушь, – бросил я и поднялся с дивана.

Нужно было уйти, пока ярость не заработала как безжалостная, перемальвающая все доводы машина.

Когда я проходил мимо Риты, она придержала меня за руку.

– Нет. В этот раз не уйдешь, пока не договорю, – жена упрямо смотрела мне в лицо; ее взгляд бил по восприятию, как яркий свет по глазам. – Ты обещаешь выкинуть ту дурацкую коробку?

Я попытался выдернуть руку из хрупкой ладони жены, но та упорно сжимала пальцы. До побелевших костяшек. Тогда я вцепился в ее руку и силой отодрал ее от своей. А затем толкнул жену в сторону дивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.